

ФОРМЫ С СЕМАНТИКОЙ ИРРЕАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются показатели, служащие в ненецком языке для выражения ирреальной модальности: их функционально-семантическая дистрибуция в современном ненецком языке и возможная семантическая эволюция в диахронии.

Ключевые слова: ненецкий язык, морфология глагола, модальность.

Введение

Ненецкий язык располагает довольно большим арсеналом морфологических показателей, употребляющихся в составе словоформы финитного глагола и служащих для передачи различных модальных значений. Семантика трех из них, аффиксов *-ji* (т), *-ji/-ti/-d'i* (л) и *-rǎʒa/-rǎ* (т), *-lǎma/-lǎ* (л), а также циркумфикса, представляющего собой сочетание аффиксов будущего и прошедшего времени *-ŋgu/-dV/-tV ... -ś* (т), *-nV/-tV ... -f* (л), между которыми располагается лично-числовой показатель, связана с выражением ирреальной модальности, т. е. с указанием на то, что описываемая ситуация, с точки зрения говорящего, не имеет места в реальном мире¹. Функционально-семантическим особенностям трех названных форм² и посвящена данная статья. В первой ее части обсуждается то, как отражались данные показатели в разное время в описаниях ненецкого языка. Это позволяет проследить их семантическую эволюцию и глубже понять их функционально-семантическую дистрибуцию в современном ненецком языке. Во второй части рассматривается функционирование рассматриваемых форм в современном ненецком языке.

Отражение форм *-ji*, *-rǎʒa* и *-ŋgu ... -ś* в существующих описаниях ненецкого языка

На протяжении истории изучения ненецкого языка, насчитывающей уже почти 170 лет, начиная с первой экспедиции М. Кастрена в 1842 г., только показатель *-ji* достаточно регулярно отмечался исследователями. Две другие формы – *-ŋgu ... -ś* и *-rǎʒa* – представлены лишь в единичных работах. Тем не менее существующие грамматические описания и текстовые материалы тундрового и лесного диалектов ненецкого языка все же позволяют предполагать, как функционировали

рассматриваемые показатели в прошлом и как они эволюционировали, перераспределяя между собой функции выражения различных значений, принадлежащих к сфере ирреальной модальности.

В материалах М. Кастрена зафиксированы два из названных показателей: *-ji* и *-rǎʒa*. Оба они интерпретировались как показатели наклонений. Форму *-ji* М. Кастрен назвал конъюнктивом. Судя по приводимым автором примерам и их переводам, эта форма выражает собственно контрфактическое значение, см., например, (1). Форму *-rǎʒa*, которая из всех самодийских языков была засвидетельствована М. Кастреном только в ненецком языке, он назвал показателем оптатива [2, с. 368]. Однако, судя по переводам примеров, аффикс *-rǎʒa* мог выражать как желание говорящего, т. е. собственно оптативную семантику, так и желание субъекта описываемой ситуации, т. е. семантику деидератива (2).

(1т) mada-ji³

перезерезать-ji: SUBJ/3Sg

«er würde geschnitten» (он срубил бы) [2, с. 391].

(2т) tō-rawa

прийти-rǎʒa: SUBJ/3Sg

«er möchte (würde) kommen» (он хотел бы прийти/пришел бы) [2, с. 370].

В фольклорных материалах, собранных Т. Лехтисало спустя примерно 70 лет после экспедиций М. Кастрена, фиксируется форма *-ji*, преимущественно в оптативных употреблениях (3), реже она кодирует собственно контрфактические ситуации без указания на желание говорящего (4).

(3л) maŋ mannī”-jī-mma ɛ-ś’ ś’i’ɪ’

я смотреть-ji-SUBJ/1Sg-PAST тебя

tō”orɣ ɔ-j” ŋammī mannī ɔ-ŋ’ tī’ ɛ’
похожий-POSS/1Du что видеть-FUT: SUBJ/3Sg

¹ В работах, посвященных исследованию модальности, термин *ирреальность/ирреальная модальность* имеет разный содержательный объем. Например, достаточно широко распространено истолкование потенциальных ситуаций как ирреальных. В данной статье, вслед за автором [1], различаются модальные значения реальности, ирреальности, потенциальности. В значении реальности главным компонентом является указание на то, что описываемая ситуация, с точки зрения говорящего, имеет место в действительности. В значении ирреальности – указание на то, что описываемая ситуация не имеет места в реальном мире. В модальном значении потенциальности главным компонентом является указание на возможность, с точки зрения говорящего, превращения ирреального в реальное.

² В дальнейшем для удобства изложения рассматриваемые формы обозначаются по их базовым алломорфам в тундровом диалекте ненецкого языка: *-ji*, *-rǎʒa* и *-ŋgu ... -ś*.

³ Здесь и далее примеры приводятся в оригинальной транскрипции цитируемого источника.

«Hätte ich geträumt, (aber) was sieht so einer wie du!» (Лучше бы я смотрел [этот сон]. Что увидит такой, как ты!) [3, с. 71].

(4т) ʧʰʰik̄k̄	ʧaʧʰʰeʰk̄k̄-mʰ	ni-ββ̄
тот	ребенок-ACC/Sg	NEG-PR _{prf}
ʧǎǎp-tùʰ	χāḍāʰ	ʧʰʰḍḍʰ
быть-COND-3Pl	убить-CONNeg	тот.дальний
jā-n	ʧʰʰḗr	ḥeḥḥeʰʰāʰ
земля-GEN/Sg	содержимое	человек-NOM/Pl
māʰ	ʂaβbo	jīʰʰe-ββ̄
весь-PL	хороший	жить-PR _{prf}
		ʧǎǎ-jjī-ʧʰʰ
		БЫТЬ-jjī-SUBJ/3Pl:PAST

«Hätten sie das Kind nicht erschlagen, so hätten jetzt die auf der Erde wohnenden Menschen alle gut gelebt» (Если бы они не убили ребенка, то люди, живущие на земле, все жили бы хорошо) [3, с. 16].

В очерках тундрового диалекта Г. Н. Прокофьева и Н. М. Терещенко, основанных на материалах, собранных в 1920–40-х гг., в составе форм наклонений указывается форма *-ji*. Оба исследователя интерпретировали ее как показатель сослагательного наклонения и подчеркивали, что помимо значения «сослагательного наклонения в собственном смысле этого слова» она способна выражать побуждение, обращенное говорящим к адресату или к самому себе [4, с. 43; 5, с. 220; 6, с. 386]. Другими словами, аффикс *-ji* способен кодировать как собственно контрфактические ситуации, так и ситуации, желательные с точки зрения говорящего. В работе [5] приводятся также примеры и с показателем *-ḡgu ... -š*, см. (5), но не в списке наклонений, а в разделе «Образование глагольных видов». Данную форму Н. М. Терещенко интерпретировала как сочетание аффикса несовершенного вида *-ḡgu*, находящего в стадии превращения его в показатель будущего времени, с аффиксом прошедшего времени [5, с. 187]. Семантика, выражаемая в результате такой сочетаемости, в указанной работе не поясняется, однако, как можно увидеть из приводимых примеров, сочетание *-ḡgu ... -š* используется тогда, когда речь идет о собственно контрфактической ситуации.

(5т) нганиʰ	юрка-нḡгу-цъ
опять	встать-FUT-REFL/3Sg:PAST
лэнду-ця-р	павэ-н
топор-DIM-NOM/Sg: POSS/2Sg	затылок-DAT/Sg
нганиʰ	лада-да
опять	ударить-OBJ/3Sg

«Опять хотел он было встать, топор ударил его по затылку» [5, с. 187].

В материалах Г. Д. Вербова по лесному диалекту, собранных в 1934–1935 гг., отмечаются две формы – аффиксы *-rǎβa* (*-lāma* у Г. Д. Вербова) и *-ji* [7, с. 98–99]. Исследователь интерпретировал их как две формы сослагательного наклонения: первое с показателем *-ji* (6) и второе с показателем

-rǎβa (7). Различия в их семантике Г. Д. Вербов не пояснял, однако отмечал, что форма *-ji* «иногда используется в значении повелительного наклонения» [8, с. 99].

(6л) pʰ ā-m	māta-jī-l
дерево-ACC/Sg	срубить-jī-OBJ/2Sg

«Дерево срубил бы ты» [7, с. 98].

(7л) pʰ ā-m	māta-lama-l
дерево-ACC/Sg	срубить-lāma-OBJ/2Sg

«Дерево срубил бы ты» [8, с. 98–99].

А. М. Щербакова в состав показателей наклонений впервые включила форму *-ḡgu ... -š* [9]. Она считала ее второй формой сослагательного наклонения. В качестве первой формы сослагательного наклонения А. М. Щербакова рассматривала аффикс *-ji*. Различий в семантике между формами *-ji* и *-ḡgu ... -š* в указанной работе не поясняется.

В 1993 г. вышла статья К. Лабанаускаса [7], специально посвященная анализу показателя *-ḡgu ... -š*. К. Лабанаускас рассматривал этот показатель как смешанную темпорально-модальную форму, которую невозможно отнести ни к индикативу, ни к конъюнктиву, однако по своим функциям существующую параллельно с конъюнктивом на *-ji* и с трудом отличимым от последнего. К. Лабанаускасом также было высказано предположение, что форма *-ḡgu ... -š* имеет в ненецком языке относительно позднее происхождение, а ее появление «связано, возможно, с необходимостью компенсировать какие-то потери в сфере конъюнктива на *-ji ... š*, поскольку последний явно находится в стадии превращения в желательное наклонение» [7, с. 141].

Т. Салминен в работе [10], основанной как на материалах современного ненецкого языка, так и на данных, представленных в работах предшествующих исследователей, приводит в перечне наклонений тундрового диалекта формы *-rǎβa* и *-ji*. Форму *-ji* Т. Салминен называет конъюнктивом, хотя, судя по приводимому автором переводу примера, форма на *-ji* выражает, скорее, желание говорящего (8). Форму *-rǎβa* Т. Салминен обозначает термином дезидератив. Однако, судя по данному автором переводу примера, *-rǎβa* в данном случае обозначает скорее не дезидеративную, а оптативную ситуацию (9). Т. Салминен также отмечает, что этот показатель известен главным образом по материалам М. Кастрена и в современном ненецком языке, по-видимому, уже вышел из употребления [10, с. 98].

(8т) nū-yi	стоять-jī-SUBJ/3Sg
------------	--------------------

«He will stand (request)» [10, с. 98].

(9т) nū-rʰwa	стоять-rǎβa-SUBJ/3Sg
--------------	----------------------

«He is encouraged to stand» [10, с. 98].

Формы *-ji*, *-rǎβa* и *-ŋgi ... -ś* в современном ненецком языке

1. Тундровый диалект

Сплошная выборка примеров употребления показателя *-ji* в текстах, записанных начиная примерно с 1950-х гг., показывает, что в последнее время он функционирует как форма с оптативной семантикой. В основном он употребляется в собственно оптативных предложениях (10), реже – в контрфактических условных или уступительных конструкциях, см., например, (11). Однако и в последнем случае показатель *-ji* кодирует ситуацию, желательную с точки зрения говорящего.

(10т) мер нарэй-ңэ **хэ-и-ва**
скоро весна-ADV_{trans} **стать-ji:SUBJ/3Sg-CL**
«Скорей бы уж весна наступила!» [ЛСА].

(11т) иб” хэ-вы **ңэ-и-сь**
хоть уйти-PR_{prf} **быть-ji:SUBJ/3Sg-PAST**

ика-н-да тяхана
шея-GEN/Sg-POSS/3Sg дальше
нися-на” солотой
отец-GEN/Sg-POSS/1Pl золотой
хэхэ-да тая-сь
идол-NOM/Sg-POSS/3Sg иметься-SUBJ/3Sg: PAST
«Пусть бы наш отец ушел, но у него на шее был золотой образок (который нам нужен)» [Я-2001, с. 142].

Форма *-ŋgi ... -ś* употребляется в контрфактических условных или уступительных конструкциях (12). В отличие от формы *-ji*, в семантике показателя *-ŋgi ... -ś* отсутствует указание на желание говорящего осуществления описываемой ситуации.

(12т) та-” мальнганна
тот-GEN/Sg во.время

вэнеко-ча-р сидя сядэй-м’
собака-DIM-NOM/Sg-POSS/2Sg два идол-ACC/Sg
ня-вы нгэ-б-та нгэдара-”
NEG-PR_{prf} **быть-COND-3Sg** упустить-CONNeg
чеда’ ненэча-” ни-чь
теперь человек-NOM/Pl NEG-SUBJ/3Pl: PAST
хангга-нгу-”
умирать-FUT-CONNeg

«Если бы в то время собачонка не упустила двух идолов, может, теперь люди не умирали бы вовсе» [НФ-95, с. 13].

Форма *-rǎβa*, по нашим данным, продуктивна, она встречается не только в фольклорных текстах, где возможно сохранение архаичных показателей, но и в живой речи. В современном тундровом диалекте ненецкого языка данный показатель уже определенно грамматикализован как форма, выражающая желание говорящего, а не субъекта описываемой ситуации, т.е. форма, выражающая только оптативную семантику. В отличие от оптатива на *-ji*, форма *-rǎβa* выражает эмфатическую оптативность, значение «хоть бы произошло P!»,

ср. (13, 14), что подтверждается анкетными данными и интервьюированием носителей.

(13т) мани’ **ңэ-рва-ни-ма**
мы:Du **быть-rǎβa-SUBJ/1Du-CL**

«(Наша сестра такого хорошего мужа нашла.) Были бы мы на её месте!» [П-2003, с. 233].

(14т) хэй автобуса-н’
INTJ автобус-DAT/Sg

нё-рва янолара
NEG-rǎβa:SUBJ/3Sg опоздать

«Ох, хоть бы он не опоздал на автобус!» [ВЭБ].

2. Лесной диалект

В лесном диалекте функции трех рассматриваемых показателей распределены несколько иначе. В отличие от тундрового диалекта, где аффикс *-ji* уже специализирован как показатель оптатива, форма на *-ji* в лесном диалекте употребляется как в оптативных контекстах (15), так и для выражения контрфактических ситуаций без указания на желание говорящего (16). Это обусловлено тем, что показатель *-ŋgi ... -ś*, который в тундровом диалекте взял на себя функцию выражения собственно контрфактических, неоптативных ситуаций, в лесном диалекте имеет ограниченное распространение. По нашим данным, он употребляется только в северном ареале распространения лесного диалекта, т.е. в контактной зоне лесного и тундрового диалектов.

(15л) пы’т нянат хомана-й
ты около-POSS/2Sg хорошо-POSS/1Sg
каа-мы **ңи-ти-ш**
стать-PR_{prf} **быть-ji-SUBJ/3Sg:PAST**

«Хоть бы у тебя все было хорошо» [АНК].

(16л) шийй ни-мэ-н ңэ-в
меня NEG-PR_{prf}-SUBJ/2Sg **быть-CL**
ты’сытаай-” ни-мэ-т
толкнуть-CONNeg NEG-PR_{prf}-SUBJ/1/Sg
ңи-ти-ш ман’ты-”
быть-ji-PAST упасть-CONNeg

«Если бы ты меня не толкнул, я бы не упал» [ПИК].

Форма *-rǎβa* функционирует в лесном диалекте так же, как в тундровом, выражая семантику эмфатической оптативности (19).

(17л) мань-шту-т
сказать-НАВ-SUBJ/1Sg

немя-й **мань-ля-ш**
мать-NOM/Sg-POSS/1Sg **сказать-lǎ-SUBJ/3Sg:PAST**
неша-л ңы-” ни-Ø
отец-NOM/Sg-POSS/2Sg **быть-CONNeg NEG-**
SUBJ/3Sg

«Я все думала: хоть бы мама сказала: „Это, наверное, твой отец“» [ААК].

Заключение

В ненецком языке имеются три показателя, служащие для выражения ирреальной модально-

сти – указания на то, что описываемая ситуация, с точки зрения говорящего, не имеет места в реальном мире: *-ji*, *-ngui ... -s* и *-rǎβa*. При этом каждый из них в той или иной степени специализирован для кодирования определенного типа ирреальных ситуаций. Кроме того, данные формы имеют разную степень распространенности в диалектах ненецкого языка, соответственно и функции рассматриваемых форм в тундровом и лесном диалектах несколько различаются.

Основываясь на имеющихся описаниях ненецкого языка, созданных за последние 170 лет, а также текстовых материалах, собранных исследователями в разные годы, можно сделать некоторые предположения по поводу диахронической эволюции рассмотренных форм. По-видимому, в то время, когда с материалами ненецкого языка работал М. Кастрен, в нем функционировало два показателя: *-rǎβa* и *-ji*. Показатель *-rǎβa* кодировал как дезидеративную семантику, т. е. обозна-

чал модальность желания участника описываемой ситуации «*X* хочет *P*», так и оптативную, т. е. обозначал модальность желания говорящего. Показатель *-ji* использовался для обозначения собственно контрфактических ситуаций. В дальнейшем аффикс *-ji* стал использоваться и для обозначения оптативных ситуаций и, таким образом, конкурировать с формой *-rǎβa*. В результате этой конкуренции семантика формы *-rǎβa* могла эволюционировать в сторону эмфатической оптативности. Функцию же обозначения собственно ирреальных ситуаций взял на себя показатель *-ngui ... -s*. В лесном диалекте, по-видимому, наблюдается промежуточная стадия описанного процесса. Форма *-ngui ... -s* пока используется ограниченно, только в контактной зоне лесного и тундрового диалектов, и показатель *-ji* еще не специализировался для кодирования оптативных ситуаций. Он часто обозначает и собственно контрфактические ситуации.

Список сокращений

T – тундровый диалект; л – лесной диалект; ACC – аккузатив; ADVtrans – аффикс наречия с превратительной или собирательной семантикой; CL – клитика; COND – условная форма глагола; CONNEG – коннегатив; DAT – датив; DIM – диминутив; Du – двойственное число; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; INTJ – междометие; NEG – отрицательный глагол; NOM – номинатив; OBJ – объектное спряжение; PRprf – перфектное причастие; PAST – прошедшее время; Pl – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; REFL – рефлексивное спряжение; Sg – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение.

Условные сокращения текстовых источников и имен информантов

ААК – Айваседа Айты Кольчевна (п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.); **АНК** – Айваседа Нёню Кольчевна (п. Варьеган Нижневартовского р-на Тюменской обл.); **ВЭБ** – Вануйто Эмма Борисовна (п. Антипаюта Тазовского р-на ЯНАО); **ЛСА** – Ламдо Светлана Алексеевна (п. Лаборовая Приуральского р-на ЯНАО); **НФ-95** – Лабанаускас К. И. (сост.). Ненецкий фольклор: Мифы, сказки, исторические предания. Вып. 5. Красноярск, 1995; **П-2003** – Пушкарева Е. Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. М., 2003; **ПИК** – Пяк Ирина Кайлевна (стойбище Ваенто, Пуровский р-н Ямало-Ненецкого АО); **Я-2001** – Янгасова Н. М. (сост.). Ненецкие «лаханако», «сюдбабц», «ярабц» (Ненецкие сказки и эпические песни «сюдбабц», «ярабц»). Томск, 2001.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность, модальность. Л., 1990. С. 72–79.
2. Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1854.
3. Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 90. Helsinki, 1947.
4. Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.-Л., 1937. Ч. 1. С. 5–52.
5. Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947.
6. Терещенко Н. М. Краткий грамматический очерк ненецкого литературного языка // Русско-ненецкий словарь / А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. М.: ОГИЗ, 1948. С. 315–405.
7. Labanauskas K. Zur Erforschung des nenzischen Konjunktivs // Linguistica Uralica. 29. Tallinn, 1993. № 2. P. 132–141.
8. Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.
9. Щербаклова А. М. Формы отрицания в ненецком языке // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1954. Т. 101. С. 181–231.
10. Salminen T. Tundra Nenets Inflection. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 227. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1997.

Буркова С. И., кандидат филологических наук, доцент.
Новосибирский государственный технический университет.
Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630092.
E-mail: burkova_s@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

S. I. Burkova

THE FORMS EXPRESSING UNREAL MODALITY IN NENETS

The paper deals with morphological means of expression of unreal modality in Nenets, their functional distribution in modern Nenets and their probable diachronic evolution.

Key words: *Nenets, verb morphology, modality.*

Novosibirsk State Technical University.
Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630092.
E-mail: burkova_s@mail.ru